

ПРО МЫШЕЙ

Владислав
Ходасевич

Стихи для детей

МАСТЫРЬ

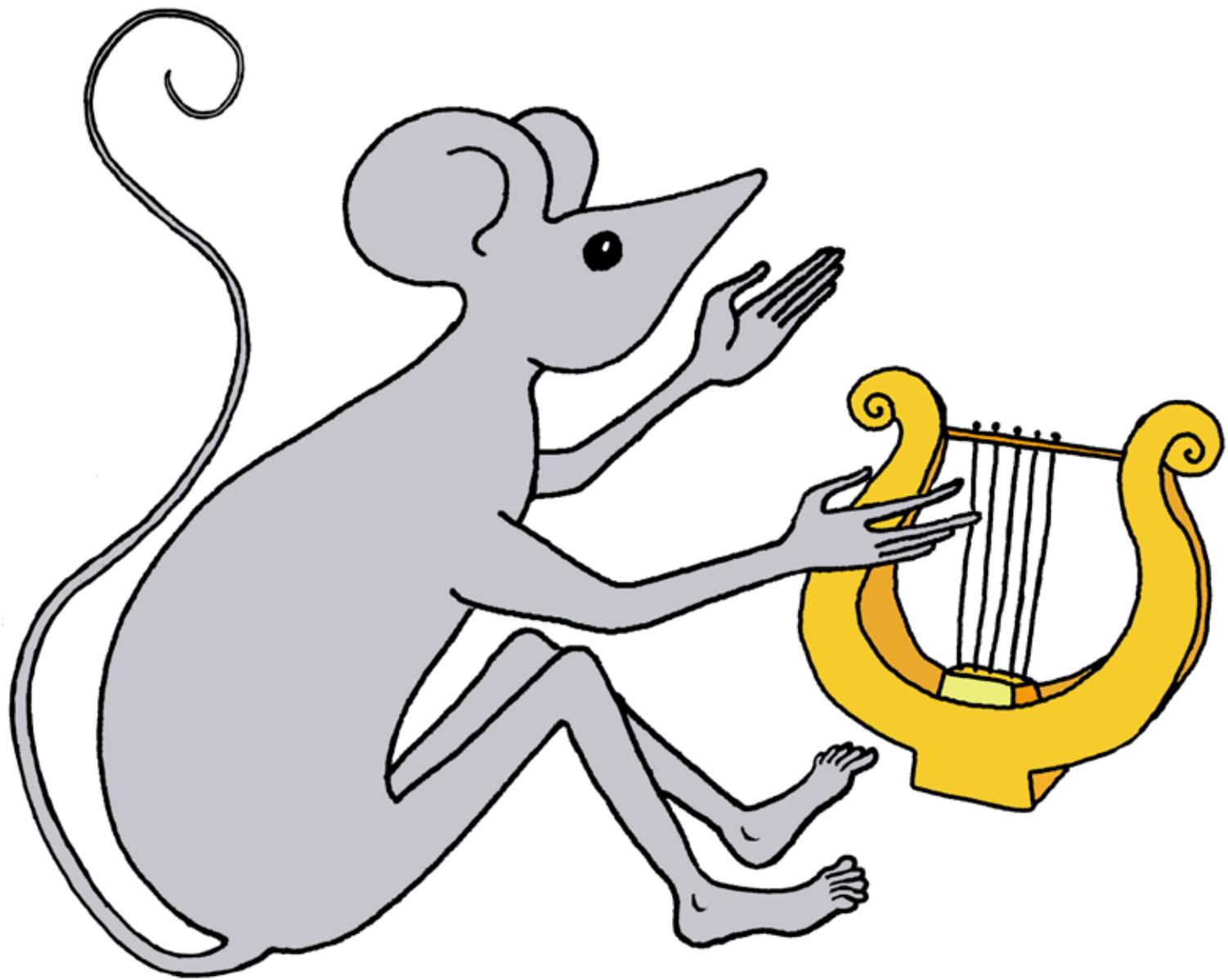
МСГ-ПРЕСС

Владислав Ходасевич

ПРО МЫШЕЙ

Стихи для детей

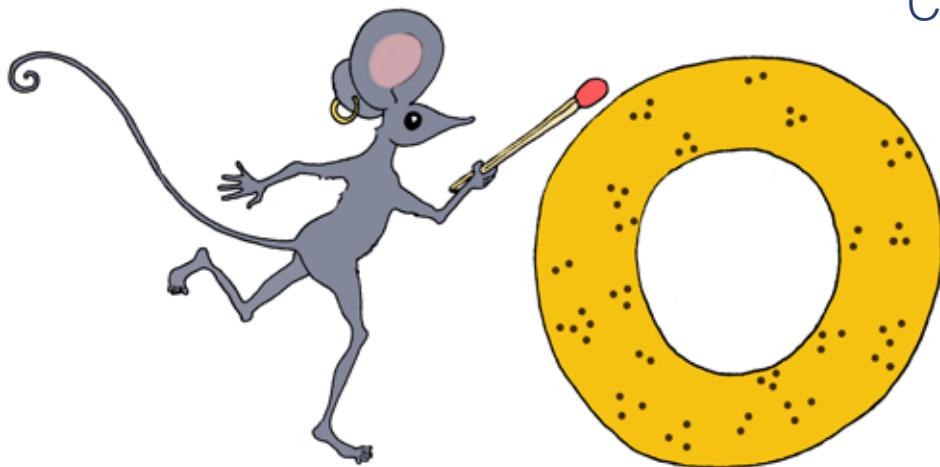

Владислав Ходасевич

ПРО МЫШЕЙ

Стихи для детей

Иллюстрации
Кристины Зейтунян-Белоус

Б.С.Г.-Пресс
Москва
2015

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
ВЫПУСК ОСУЩЕСТВЛЕН ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
ДЕПАРТАМЕНТА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
И РЕКЛАМЫ ГОРОДА МОСКВЫ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Х69

Составление и предисловие Максима Амелина

Ходасевич В. Ф.

Х69 Про мышей: Стихи для детей / Владислав Ходасевич; сост. и предисл. М. Амелина, илл. К. Зейтунян-Белоус. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2015. — 40 с. — (Поэты — детям)

ISBN 978-5-93381-356-9

В книгу вошли стихи одного из крупнейших русских поэтов XX века Владислава Ходасевича (1886—1939), чей так называемый «мышиный цикл», собираемый вместе впервые, прочитывается и как детский, и как взрослый.

ISBN 978-5-93381-356-9

© М. Амелин, составление, предисловие, 2015

© К. Зейтунян-Белоус, иллюстрации, 2015

© Б.С.Г.-Пресс, 2015

Книжный дом «Б.С.Г.-ПРЕСС».117105, Москва, Варшавское шоссе, д. 3.

Тел.: +7 (495) 626-24-72; e-mail: bsgpress@mail.ru

Подписано в печать 15.10.2015. Гарнитура Helios. Формат 60x90^{1/8}. Объем 5 печ. л.

Бумага мелованная. Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ №

О «мышиных стихах» Ходасевича

Предисловие для взрослых

Много я люблю только мышей. Люди меня раздражают.

Из письма к А. И. Ходасевич от 26 июля 1916 г.

Думаю, у всякого, кто знаком с довольно небольшим по объёму поэтическим корпусом Владислава Ходасевича, возникает чёткое ощущение наличия в нём неопределенного количества «мышиных стихов», разбросанных по разным разделам. Попытка выявить их и сложить вместе обернулась книгой.

Самое раннее — «Мышь», написанное редчайшим в русской поэзии размером «peonом первым», — было опубликовано в газете «Руль» в 1908 году и больше никогда при жизни поэта не перепечатывалось. Три стихотворения — «Ворожба», «Сырнику» и «Молитва» — вышли под общим заглавием «Мыши» в альманахе «Гриф» в 1914-м и вскоре появились в книге «Счастливый домик», заключительное стихотворение которой — «Рай». Мощное антивоенное «Из мышиных стихов» было напечатано в том же году в журнале «Аполлон» (кстати, в античности мыши были связаны с культом Аполлона), но в книги не входило. Оригинальный, с использованием частого мотива французской эпиграмматической поэзии XVIII века, «Разговор человека с мышкой...» был включен Корнеем Чуковским в один из первых послереволюционных детских сборников «Ёлка. Книжка для маленьких детей» (1918), а переводная «Луна» вошла в «Детский цветник стихов» Р. Л. Стивенсона (1920), причём оба стихотворения в том же 1920-м Ходасевич по-

местил в рукописную книжицу «Стихи для детей». «Бедный Бараночник болен...», «Я знаю все людские тайны...» и «Вечер» (первая часть незаконченной поэмы «Про мышей», начатой в ответ на просьбу Чуковского) так и остались неопубликованными.

Среди рукописей поэта сохранился ещё и набросок начала иного варианта «Вечера»:

Пять лет уже прошло, как я живу с мышами.
Приязнь великая наладилась меж нами.
Да что и ссориться? Я этим не грешу:
Они себе шуршат, а я себе пишу.
То пошумят в шкапу, то за диваном... Ладно!
Я, значит, не один — и это мне отрадно.
[А всё, что говорят худое про мышей, —
По чести — клевета, не доверяйте ей.
Нередко слышу я, что мыши, дескать, воры...
Учитесь презирать такие разговоры.
Тот, у кого всё есть, не станет воровать,
А у кого нужда — ну как тому не дать?]

На протяжении всей истории человечества мыши находились в незримом соседстве с людьми. Сейчас это трудно себе представить, однако так было ещё совсем недавно (а кое-где в старых домах и есть), до начала массового железобетонного строительства. Но в поэзию, в отличие от котов и собак, мыши попадали нечасто.

Хотя своих детей у Ходасевича не было, он воспитывал пасынка Гарика, сына второй жены Анны Ивановны, с которой прожил вместе одиннадцать лет. Именно в первые годы их супружества у поэта начала складываться и обрасти деталями «мышиная» мифология. В своих воспоминаниях Анна Ивановна описала такой случай:

«Однажды, играя со своим сыном, я напевала детскую песенку, в которой были слова: “Пляшут мышки впятером за стеною весело”.

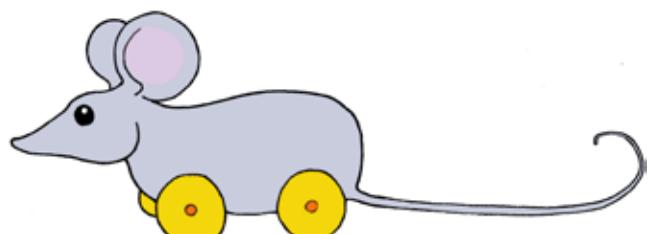
Почему-то эта строчка понравилась Владе, и с тех пор он как-то очеловечил этих мышат. Часто заставлял меня повторять эту строчку, дав обе мои руки невидимым мышам — как будто мы составляли хоровод. Я называлась “мышь-бараночник” — я очень любила баранки. В день нашей официальной свадьбы мы из свадебного пирога отрезали кусок и положили за буфет, желая угостить мышат — они съели. Впоследствии, в 1914 году, когда я заболела крупозным воспалением легких и была близка к смерти, Владя после кризиса преподнёс мне шуточные стихи, которые, конечно, не вошли ни в один сборник его стихов (речь идет о стихотворении «Бедный Бараночник болен...» — М. А.)».

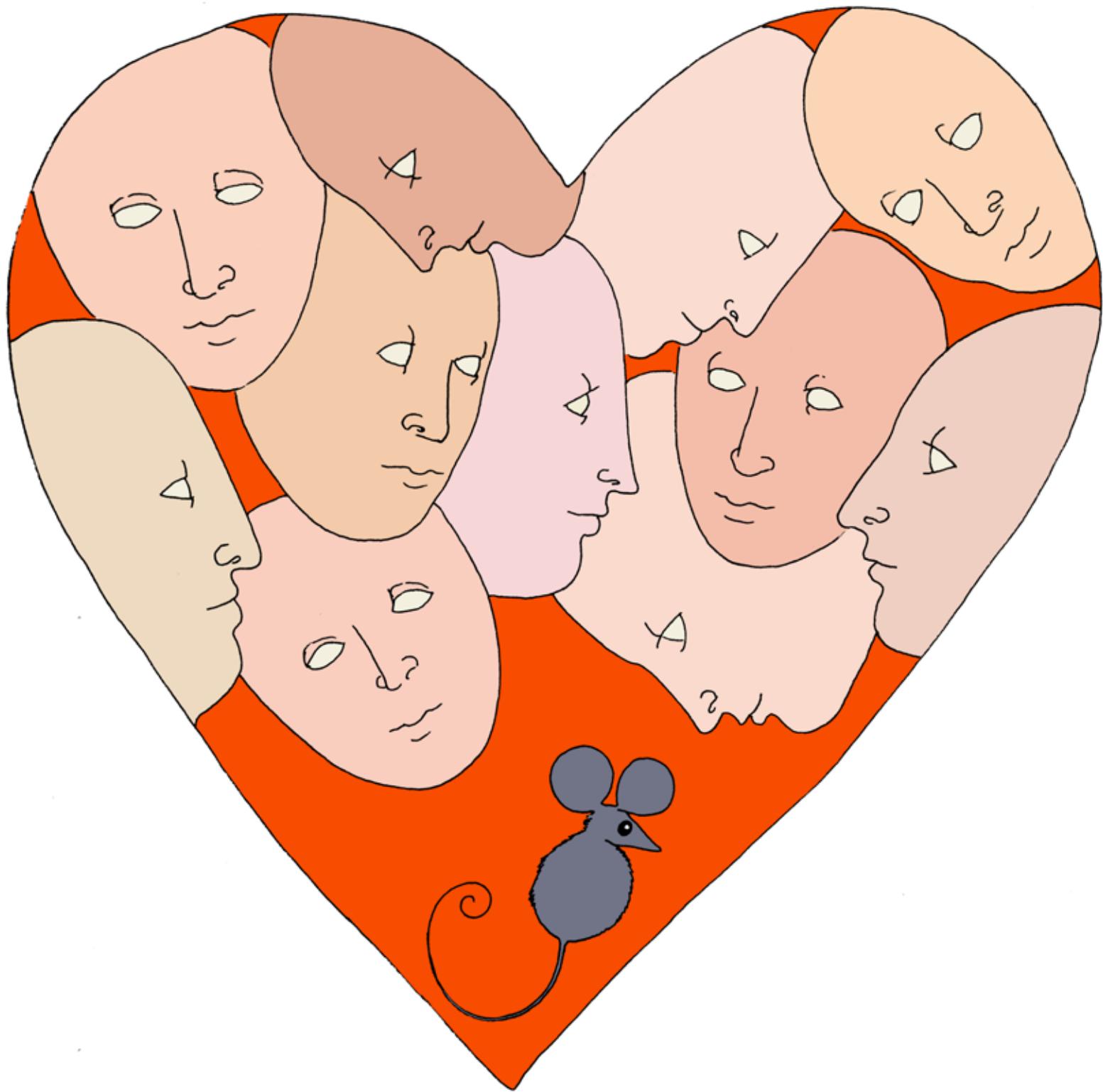
«Бараночник, Мышь впятером!» — ласково обращается Ходасевич к жене в письмах. На записной книжке, подаренной поэту, Анна Ивановна сделала надпись: «Серенькому медвежонку серенькую книжечку от серенькой мышки — для мышиных стихов. *Бараночник*». Медведь, медвежонок — домашние прозвища самого Ходасевича.

«Мыши впятером», взятые из всеми забытой ныне песенки, возникают в стихотворении «Рай», а наиболее подробно описываются в «Вечере». Но если с Бараночником всё ясно, то остальные «мышиные» персонажи до сих пор остаются нерасшифрованными. В письме к жене из Коктебеля Ходасевич пишет: «Сырник приехал только вчера. <...> Свечник тоже сюда собирается, но его задержала какая-то работа. То же и Книжник: никак не может забыть какую-то книгу: очень редкая» (21 июня 1916 г.). Только пятого, Ветчинника, появляющегося единственный раз в «Вечере», тут нет.

Полагаю, что «мышиные стихи», сведённые воедино, вполне могут прочитываться и как детские, и как взрослые, показывая ещё одну грань великого поэта.

Максим Амелин

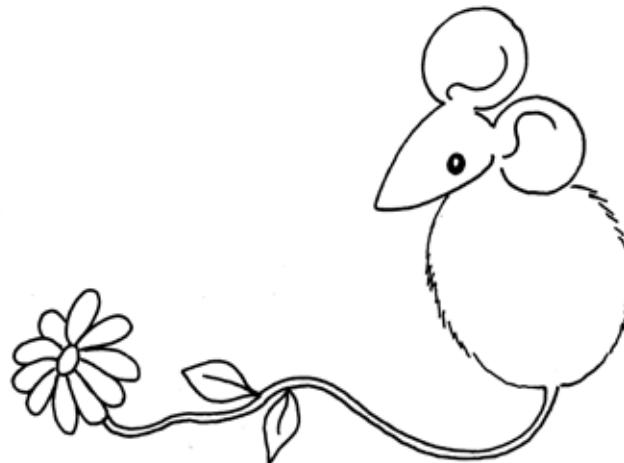

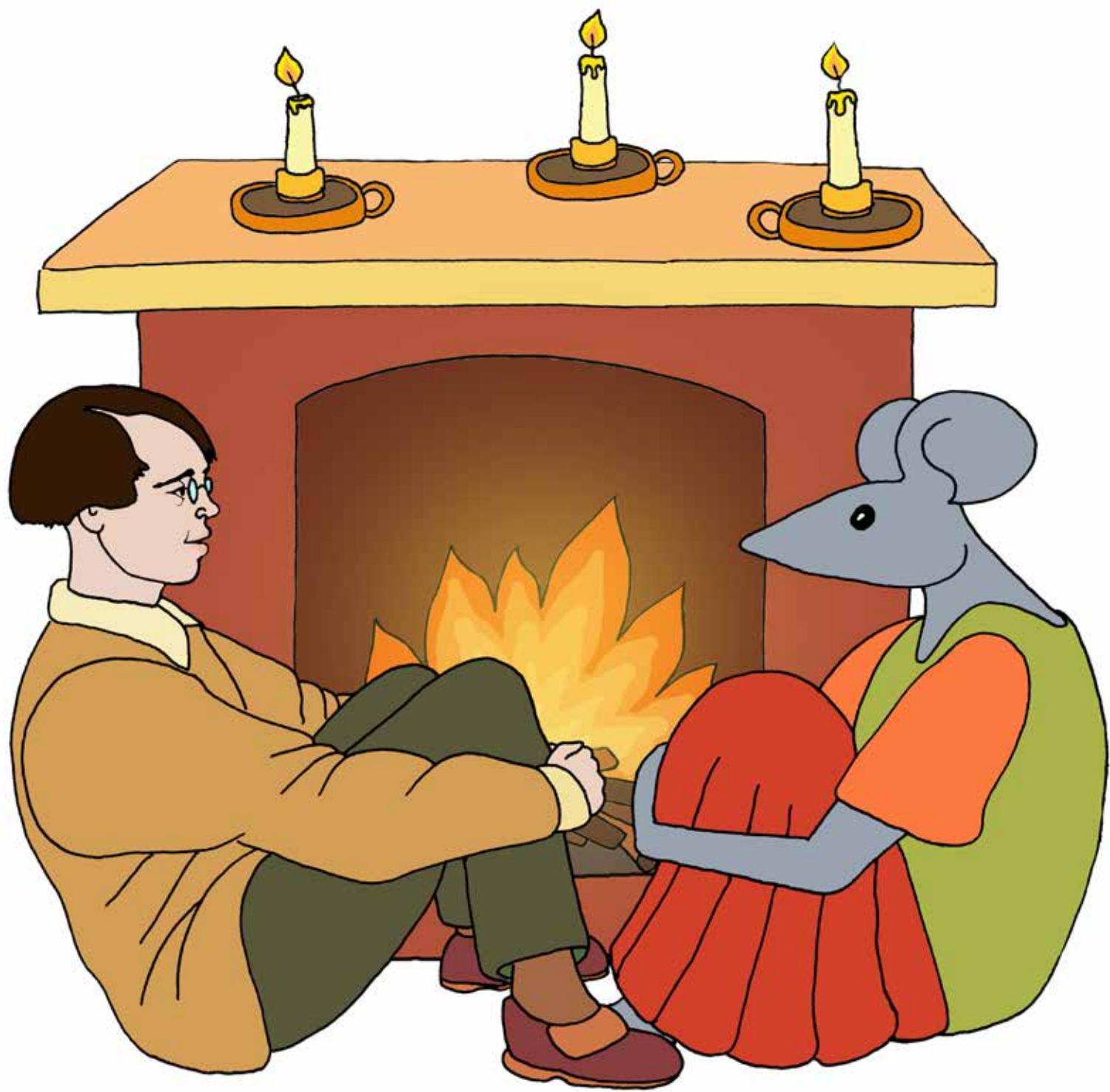
Мышь

Маленькая, тихонькая мышь,
Серенький, весёленький зверок!
Глазками давно уже следишь,
В сердце не готов ли уголок.

Здравствуй, терпеливая моя,
Здравствуй, неизменная любовь!
Зубок изостренные края
Радостному сердцу приготовь.

В сердце поселяйся наконец,
Тихонький, послушливый зверок!
Сердцу истомлённому венец —
Бархатный, горяченъкий комок.

Ворожба

Догорел закат за речкой.
Загорелись три свечи.
Стань, подруженька, за печкой,
Трижды ножкой постучи.

Пусть опять на зов твой мыши
Придут вечер коротать.
Только нужно жить потише,
Не шуметь и не роптать.

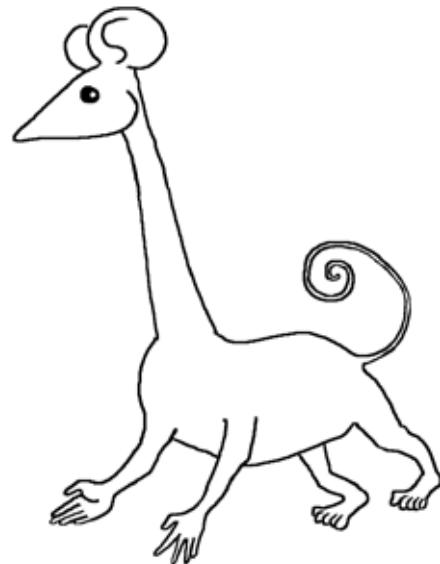
Есть предел земным томленьям,
Не горюй и слёз не лей.
С чистым сердцем, с умиленьем
Дорогих встречай гостей.

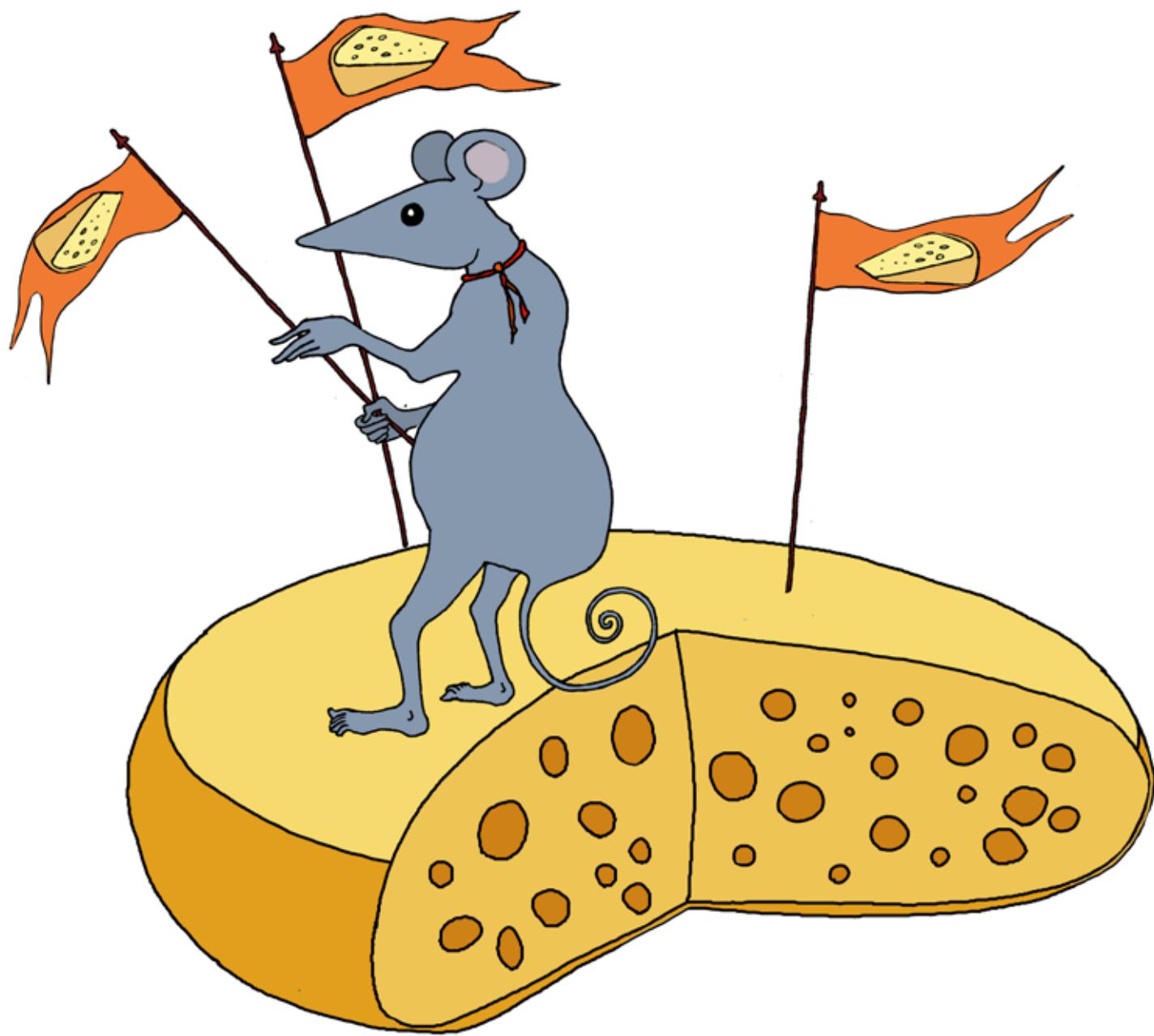

В сонный вечер, в доме старом,
В круге зыбкого огня
Помолись-ка нашим Ларам*
За себя и за меня.

Свечи гаснут, розы вянут,
Даже песне есть конец, —
Только мыши не обманут
Истомившихся сердец.

* Древнеримские божки, покровители семьи и домашнего очага.

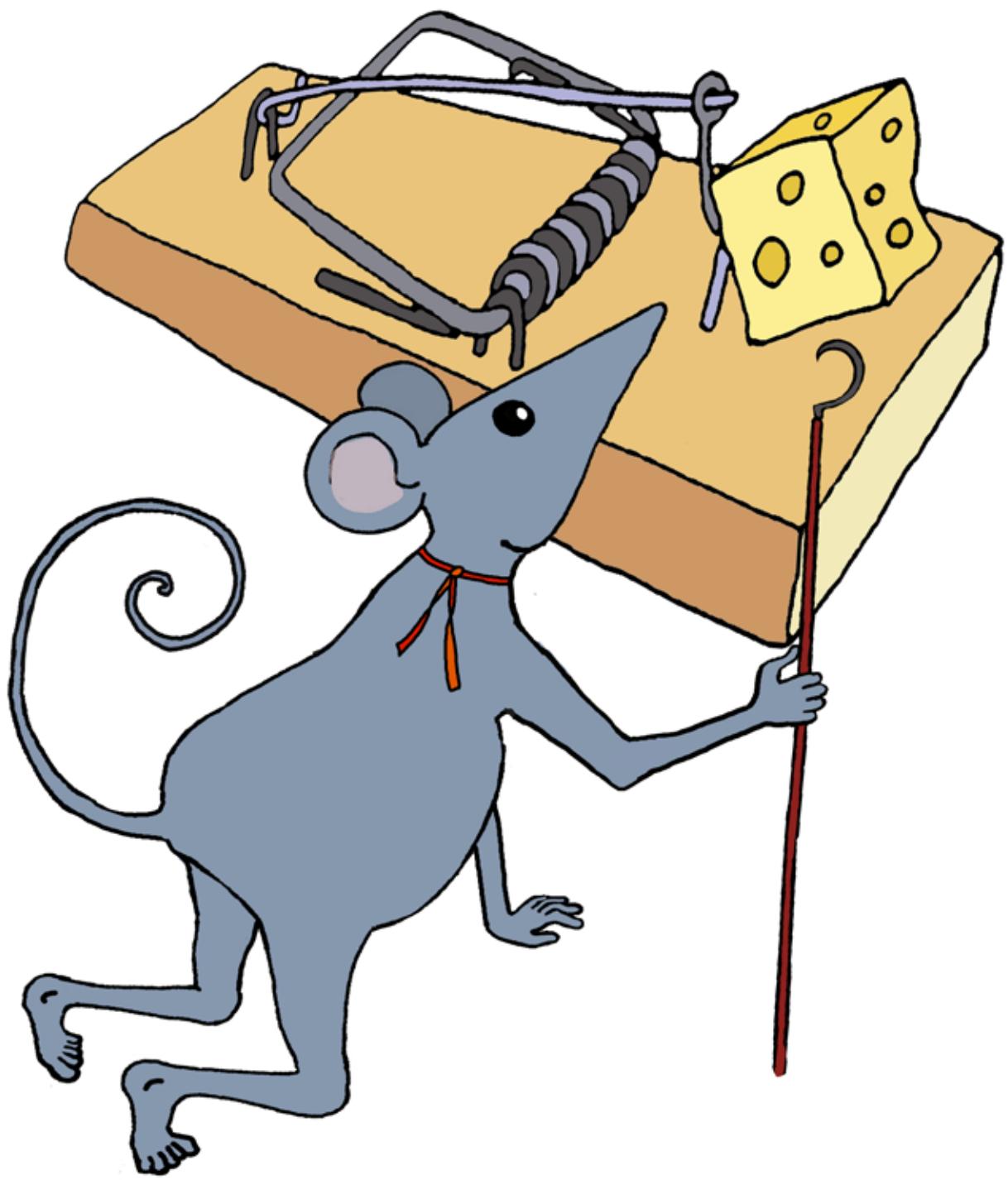
Сырнику

Милый, верный Сырник, друг незаменимый,
Гость, всегда желанный в домике моём!
Томно веют вёсны, долго длятся зимы, —
Вечно я тоскую по тебе одном.

Знаю: каждый вечер робко скрипнет дверца,
Прошуршат обои — и приходишь ты
Ласковой беседой веселить мне сердце
В час отдохновенья, мира и мечты.

Ты не разделяешь слишком пылких бредней,
Любишь только сыр, швейцарский и простой,
Редко ходишь дальше кладовой соседней,
Учишь жизни ясной, бедной и святой.

Заведу ли речь я о Любви, о Мире —
Ты свернёшь искусно на любимый путь:
О делах подпольных, о насущном сыре, —
А в окно струится голубая ртуть...

Друг и покровитель, честный собеседник,
Стереги мой домик до рассвета дня...
Дорогой учитель, мудрый проповедник,
Обожатель сыра, — не оставь меня!

Молитва

Все былые страсти, все тревоги
Навсегда забудь и затаи...
Вам молюсь я, маленькие боги,
Добрые хранители мои.

Скромные примите приношенья:
Ломтик сыра, крошки со стола...
Больше нет ни страха, ни волненья:
Счастье входит в сердце, как игла.

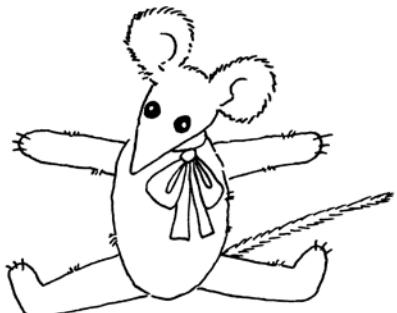
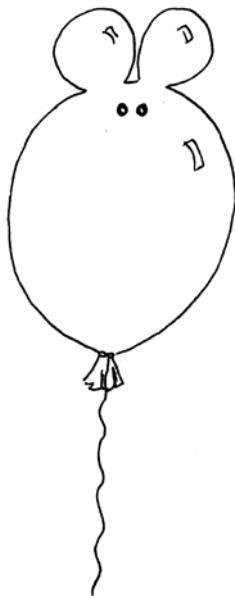
Рай

Вот, открыл я магазин игрушек:
Ленты, куклы, маски, мишура...
Я заморских плюшевых зверушек
Завожу в витрине с раннего утра.

И с утра толпятся у окошка
Старички, старушки, детвора...
Весело — и грустно мне немножко:
День за днём, сегодня — как вчера,

Заяц лапкой бьёт по барабану,
Бойко пляшут мыши впятером.
Этот мир любить не перестану,
Хорошо мне в сумраке земном!

Хлопья снега вьются за витриной
В жгучем свете жёлтых фонарей...
Зимний вечер, длинный, длинный, длинный!
Милый отблеск вечности моей!

Ночь настанет — магазин закрою,
Сосчитаю деньги (я ведь не спешу!)
И, накрыв игрушки лёгкой кисеёю,
Все огни спокойно погашу.

Долгий день припомнив, спать улягусь мирно,
В колпаке заветном, — а в последнем сне
Сквозь узорный полог, в высоте сапфирной
Ангел златокрылый пусть приснится мне.

* * *

Бедный Бараночник болен: хвостик, бывало, проворный
Скромно поджав под себя и зубки оскаливши, дышит.
Чтобы его приободрить и выразить другу вниманье,
Мы раздобыли баранку. Но что же? Едва шевельнувшись,
Лапкой её отстранил — и снова забылся дремотой...
Боже мой! Если уж даже баранка мышина сердца
Больше не радует, — значит, все наши заботы бессильны,
Значит, лишь Ты, Вседержитель, его исцелишь и на радость
В мирный наш круг возвратишь. А подарок до времени может
Возле него полежать. Очнётся — увидит. Уж то-то
Станет баранку свою катать по всему он подполью!
То-то вознёй громыхливой соседям наделает шуму!

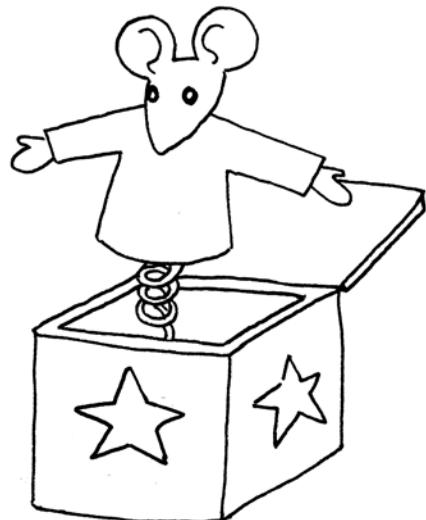

ИЗ МЫШИНЫХ СТИХОВ

У людей война. Но к нам в подполье
Не дойдёт её кровавый шум.
В нашем круге — вечно богомолье,
В нашем мире — тихое раздолье
Благодатных и смиренных дум.

Я с последней мышью полевою
Вечно брат. Чужда для нас война, —
Но Господь да будет над тобою,
Снежная, суровая страна!

За Россию в день великой битвы
К небу возношу неслышный стих:
Может быть, мышные молитвы
Господу любезнее других...

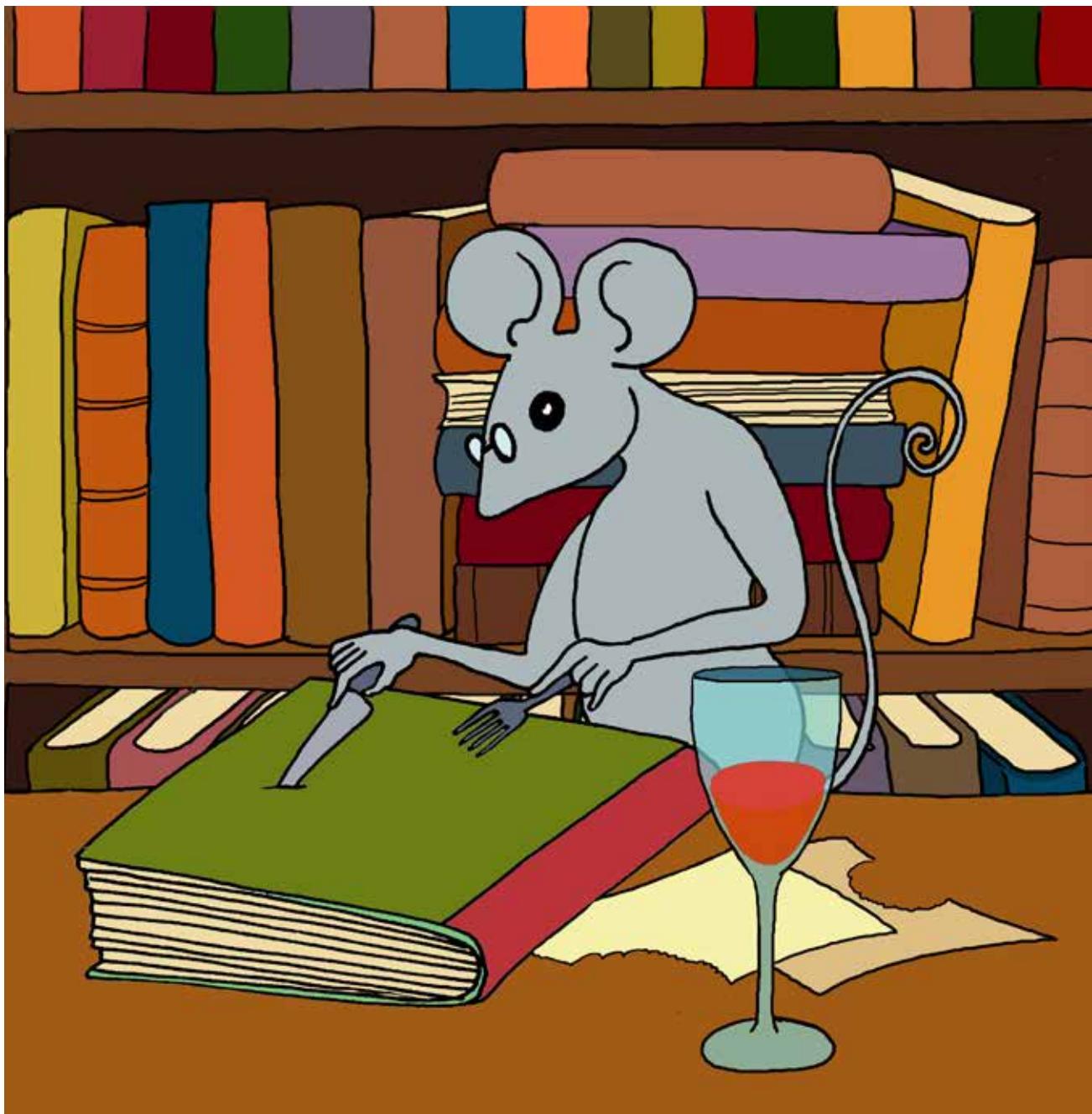

Франция! Среди твоей природы
Свищет меч, лозу твою губя.
Колыбель возлюбленной свободы!
Тот не мышь, кто не любил тебя!

День и ночь под звон машинной стали,
Бельгия, как мышь, трудилась ты, —
И тебя, подруга, растерзали
Швабские усатые коты...

Ах, у вас война! Взметает порох
Яростный и смертоносный газ,
А в подпольных, потаённых норах
Горький трепет, богомольный шорох
И свеча, зажжённая за вас.

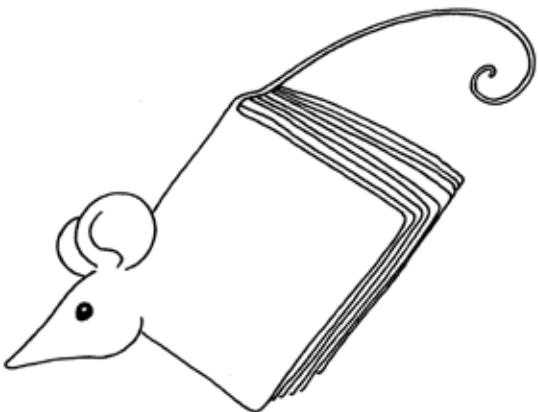
Разговор человека с мышкой, которая ест его книги

Мой милый Книжник. Ты совсем
Опять изгрыз два тома... Ловок!
Не стыдно ль пользоваться тем,
Что не люблю я мышеловок?

Хоть бы с меня пример ты брал:
Я день-деньской читаю книжки,
Но разве кто-нибудь видал,
Что я грызу их, как коврижки?

Из книг мы знаем, как живут
Индейцы, негры, эскимосы.
В журналах люди задают
Друг другу умные вопросы.

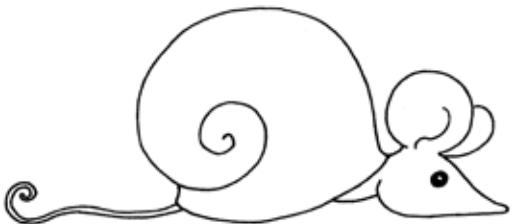
Где путь в Америку лежит,
Как ближе: морем или сушей?
Ну, словом, вот тебе бисквит,
А книг, пожалуйста, не кушай.

Вечер

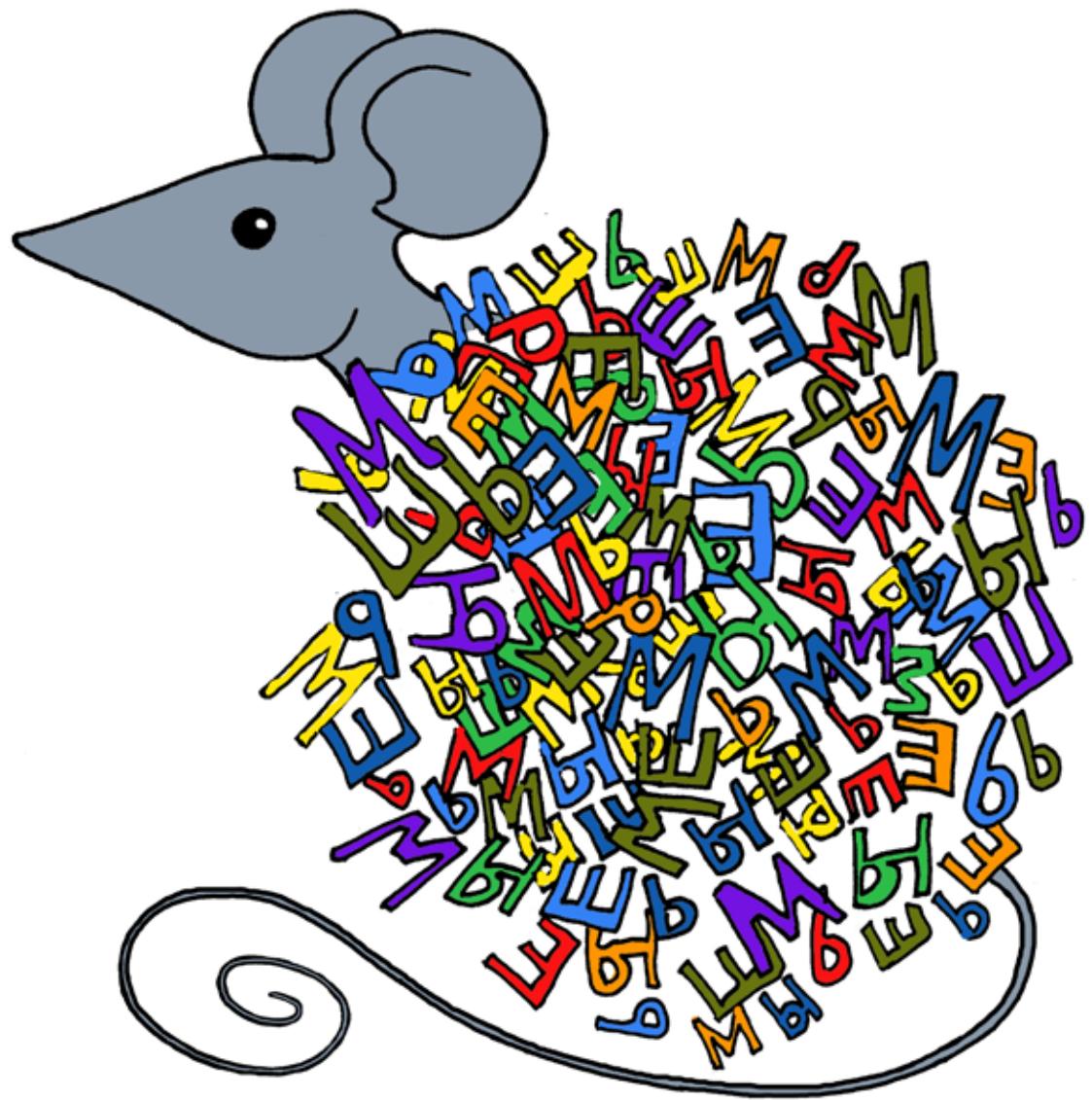
Пять лет уж прошло, как живу я с мышами.
Великая дружба и братство меж нами.
Чуть вечер настанет, померкнет закат —
Проворные лапки легко зашуршат:
Приходят они, мои милые мыши,
И сердце смиряется, бъётся всё тише.
Шуршащей вознёй наполняется дом, —
И вот, собираются все впятером:
Приветливый Сырник, мой друг неизменный,
Охотник до сыра, спокойный, степенный;
Бараночник маленький, юркий шалун,
Любитель баранок и бойкий плясун;
Учёнейший Книжник, поклонник науки, —
Беседуя с ним, не почувствуешь скуки:
Всё знает он: как, отчего, почему...
Я сам очень многим обязан ему.

За ними — Ветчинник, немножко угрюмый,
Всегда погруженный в мышиные думы;
На свете немало узнал он скорбей
Сидел в мышеловке за благо мышей.
Приходит и Свечник, поэт сладкогласный,
Всегда вдохновенный, восторженно-ясный,
Любимый мой Свечник, товарищ и друг...
Как сладок с мышами вечерний досуг!
Ведём разговор мы о разных предметах,
О людях, о том, что прочёл я в газетах,
О странах чудесных, о дальних морях,
О сказках и былях, о разных делах,
О том, что халвы есть кусок на окошке,
И даже — о кознях бессовестной кошки.

Стихи свои Свечник читает нам вслух...
Порою же мыши становятся в круг,
Привычною лапкой за лапку берутся,
Под музыку ночи по комнате вьются,
И, точно колдуя, танцуют оне,
Легко и воздушно, как будто во сне...
И длится их танец, как тихое чудо,
И мыши все пляшут и пляшут, покуда
Зарёй не окрасятся неба края,
А видят их пляску — лишь месяц да я.

Луна

(Из Р. Л. Стивенсона)

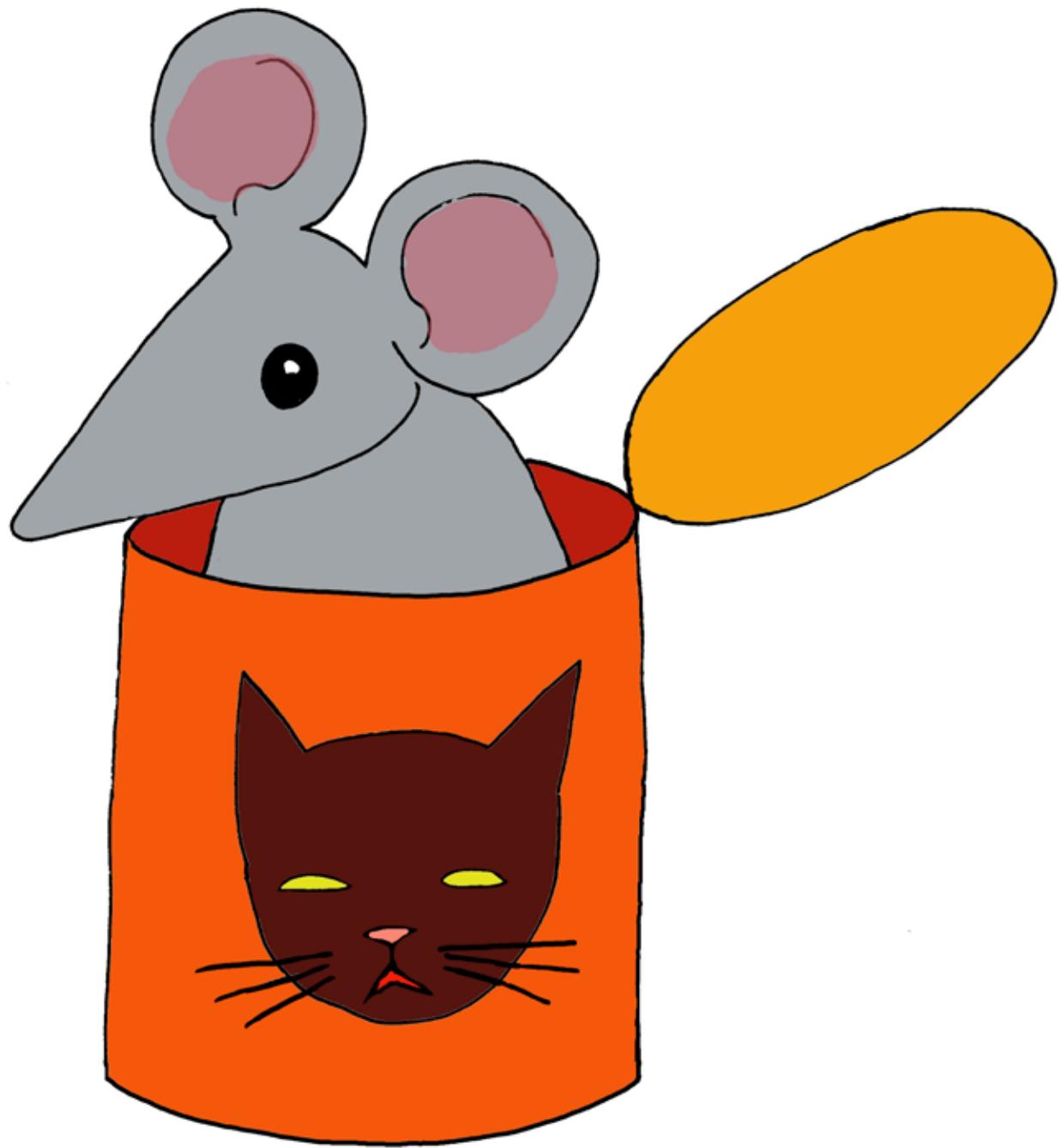
Лицо у Луны как часов циферблат.
Им вор озарён, залезающий в сад,
И поле, и гавань, и серый гранит,
И город, и птичка, что в гнёздышке спит.

Пискливая мышь, и мяучащий кот,
И пёс, подывающий там, у ворот,
И нётопырь*, спящий весь день у стены, —
Как все они любят сиянье Луны!

Кому же милее дневное житьё, —
Ложатся в постель, чтоб не видеть её:
Смежают ресницы дитя и цветок,
Покуда зарёй не заблещет восток.

* Летучая мышь.

* * *

Я знаю все людские тайны:
Всю боль страстей, сомнений, уз.
Но люди лживы и случайны, —
Я этим знаньем не горжусь.

И вдохновительней и выше —
Почуять ужас вечный тот,
Что подымает шёрстку мыши
И сердце маленькое жжёт.

Содержание

Максим Амелин. О «мышиных стихах» Ходасевича	5
Мышь (1908)	9
Ворожба (1913)	11
Сырнику (1913)	15
Молитва (1913)	19
Рай (1913)	20
«Бедный Бараночник болен: хвостик, бывало, проворный...» (1914)	23
Из мышиных стихов (1914)	27
Разговор человека с мышкой, которая ест его книги (1916)	31
Вечер (1917)	33
Луна (<i>Из Р. Л. Стивенсона</i>) (1917)	37
«Я знаю все людские тайны...» (1921)	39

